

Наказание как возмездие, устрашение и принуждение

Аннотация: Принуждение наказанием, сопротивление преступным проявлениям может и должно быть оправдано, более того, оно необходимо именно с точки зрения высшей нравственности, но только в том случае, если принуждение наказанием не является насилием над личностью, а, напротив, противодействует насилию и злу.

Только посредством принуждения, устрашения, не допускающих физического насилия и унижения, возможно достижение поставленных государством целей, а значит, совершенствование самого общества. В то же время нравственное начало требует не только признания права обиженного, то есть потерпевшего, который по праву справедливости добивается заслуженного наказания для преступника, но и соответствующего отношения к самому виновнику преступления, то есть не унижения и истребления его, а именно наказания, соответствующего совершенному деянию с учетом его личности.

Ключевые слова: преступление; наказание; государство; возмездие; устрашение; принуждение; психологическое воздействие; законодательство; нравственность; гуманизм; справедливость.

Преступления, в особенности их тяжкие виды, порождают в любом обществе чувства возмущения и беспокойства. И чем глубже общество поражено преступностью, тем оно безнравственнее, и наоборот, ибо преступность и безнравственность две стороны одной медали.

---

* Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Азербайджанской Республики, член Совета МОПИ (Азербайджан). E-mail: mori_sid@yahoo.com

Следовательно, совершенно очевидно, что защита интересов всего общества, то есть общего блага, от преступных проявлений задача высоконравственная. Поэтому естественно, что государство для этого должно использовать, в разумных пределах, все средства, включая уголовное наказание. Что же это за явление — наказание? В чем его сущность и свойства? Означает ли оно добро или зло, возмездие или справедливость? Чрезвычайная сложность этой меры как явления требует, соответственно, системного подхода к познанию его сущности и характера, ибо только посредством этого инструментария возможно получение нового и глубокого знания. Именно системный подход обеспечивает комплексное видение сложных явлений в многообразии составляющих их связей, как внутренних, так и внешних. Демокрит сказал: «Я поведу речь о сущем». Это означает, что сущность — то постоянное, что сохраняется в явлении при различных вариантах, в том числе и временных, то есть сердцевина бытия. В философии сущность определялась и сейчас определяется как начало понимания вещей, их вечный принцип бытия, внутренняя структура, первичное устойчивое и необходимое качество. Сущность не просто составляет внутренний смысл наказания, но и соответствующим образом проявляется вовне, определяя способ своей объективизации посредством своих свойств и возможностей.

То, что преступление - зло, не вызывает ни у кого сомнений, поскольку составляет предмет нравственного осуждения и порицания. Что касается наказания, то, как известно, с момента своего возникновения оно всегда использовалось как средство борьбы против этого зла. Следовательно, его следует рассматривать как добро. В противном случае и тот, кто применяет наказание, - тоже злодей. В принципе, и «зло» и «добро» - это одни из основных категорий этики, употребляемые при нравственных оценках отдельных явлений, поступков, побудительных мотивов деятельности людей. Людям не так доступно научное определение понятия «нравственное чувство», но все понимают, что речь идет о таких вещах, как «хорошо», «плохо», «преступление» и «наказание», то есть такие-то действия

расценивают через понятие «хорошо», а такие-то - посредством понятия «плохо». Поэтому, рассуждая о нравственности наказания, мы имеем в виду наше понимание этого явления с точки зрения его качества. Иначе говоря, мы рассуждаем следующим образом: это наказание - хорошее, так как оно справедливо и допустимо только в той степени, в какой оно может устранить какое-нибудь большее зло в виде преступления, а плохое наказание - это то, что, как и само преступление, наносит оскорбление общественной нравственности.

А раз так, значит, хорошее наказание - нравственное, а плохое - безнравственное, ибо хорошее наказание - полезное, необходимое и справедливое, а плохое, наоборот, - бесполезное, ненужное и несправедливое. Поэтому тот законодатель, который относится к наказанию с точки зрения нравственного чувства, всегда стремится идти в направлении смягчения характера наказания. Однако к наказанию можно относиться и с точки зрения здравого смысла. В этом случае понимание того, что «хорошо» и что «плохо», совсем различное. Поэтому и подход к наказанию основывается не только на принципе нравственности, но и на принципе здравого смысла, что зачастую приводит законодателя к принятию более сурового наказания.

Один из важнейших принципов нравственности состоит в том, что за добро должно воздать добром, а за зло - злом, то есть добро должно быть вознаграждено, а преступление как зло - наказано. Вот в этом смысле наказание для преступника - зло, ибо он терпит определенные страдания за свое деяние, а для общественного блага - это добро. Нелогично за зло преступнику платить добром. Некто спросил: «Правильно ли говорят, что за зло нужно платить добром?» Учитель сказал: «А чем же тогда платить за добро? За зло надо платить по справедливости, а за добро - добром» (Конфуций). Следовательно, наказание будет считаться добром, а значит, и нравственно обоснованным, если оно адекватно тому злу, которое выражено в форме преступления.

Наказание возможно рассматривать по-разному: как воздаяние злом за зло, то есть возмездие карающее; как воздаяние добром за добро - возмездие награждающее; как возмездие добром за зло - идея воздаяния христианской морали; как возмездие злом - воздаяние злом за добро. Следовательно, то, что характеризует возмездие во всех этих формах, и является основополагающим, руководящим при определении понятия возмездия в наказании.

Возмездие всегда проявляется в реагировании на какое-либо учиненное деяние. Оно есть действие, направленное в отношении лица, учинившего что-либо, и выражающее собой оценку учиненного. Возмездие - не явление, которое в любом наказании существует сегодня, а завтра, может быть, исчезнет. Оно появилось с наказанием и исчезнет вместе с ним. В истории наказания условно можно выделить три фазы воздаяния (возмездия): *воздаяние варварское, государственное и просвещенно-правовое.*

Воздаяние варварское - кровная месть, то есть нравственно-мотивированная общинная реакция. Убийство или другая обида, понесенная одним из членов группы, ощущается всей группой и вызывает общее чувство мстительности. Поскольку сюда входит сострадание к потерпевшему, то следует признать и наличие здесь нравственного элемента, но преобладает в этой реакции на обиду, конечно, инстинкт собирательного самосохранения [20, с. 47-48]. Не случайно подчеркивается роль и значение инстинкта самосохранения, ибо у взрослых людей любое враждебное личное нападение извне превращается в рефлекторное действие против нападающего как противника. Именно на этой, подобной рефлексу, реакции индивидуума против внешних нарушений его неприкосновенности основывается месть, которая стремится уничтожить виновника такого нарушения. Естественное чувство мести не знает другой меры, кроме силы раздражения и энергии, которая накопилась у соответствующего лица [7, с. 104].

Государственное воздаяние начинается с того момента, когда государство уже не просто наблюдатель за соразмерностью наказания, а уже

инстанция, которой все воздаяния препоручаются. Иными словами, возмездие на реагирование преступления уже есть не просто действие, а целенаправленное действие государства в отношении лица, совершившего преступление, ибо возмездие как понятие само по себе не может «действовать», кто-то должен привести его в действие для достижения определенной субъектом действия цели. Просто так, бесцельно государство не может осуществлять возмездие. Следовательно, нужно различать представления о возмездии как сущности наказания и о возмездии как государственной политике, именуемой доктриной отмщения. Возмездие как сущность наказания, выступающее в роли связи между преступлением и наказанием, не означает, что нарушенное преступным действием восстанавливается соответствующим или равномерным воздействием со стороны государства, то есть, что убийца, например, должен быть обязательно казнен.

Отвержение телесных наказаний как способа воздаяния классическим либерализмом XVIII в. - третий, просвещенно-правовой, этап развития идеи воздаяния. Как известно, до этого времени существовал предрассудок, согласно которому преступные деяния искореняются тем быстрее, чем беспощаднее, мучительнее наказание.

В принципе, идея возмездия, в какой бы форме она ни осуществлялась, требует определенного размера, она противится тому, чтобы нарушитель (преступник) претерпел больше зла, чем то, которое он заслужил. А из этого следует, что если суть преступления заключается в покушении на свободу и жизнь человека, то наказание состоит в угрозе лишения свободы и жизни покушавшегося, то есть преступника. Если тяжесть преступления измеряется степенью насилия над свободой другого человека, то тяжесть наказания - сроком лишения свободы преступника. Вот принципиальная схема наказания-воздаяния, которая вытекает из формулы: равенство в свободе по всеобщему закону. Но ведь большего наказания, чем смертная казнь, не существует. Поэтому она может быть применима лишь за самые тяжкие преступления, каковыми следует считать умышленные убийства, и только

так возможно почувствовать справедливость воздаяния. Психологически человек всегда воспринимал и сегодня воспринимает наказание именно как возмездие. Мысль о наказании как о возмездии так глубоко проникла в его сознание, что он просто-напросто не видит в нем ничего более, кроме возмездия, но возмездия в смысле *справедливого воздаяния* как выражения нравственной общественной оценки преступления. Нельзя забывать, что психологическим основанием наказания-возмездия выступает чувство мести, естественное стремление пострадавших от преступления людей «вернуть боль и страдание» злодею, чтобы он мог пройти через подобные муки, искупить свою вину и раскаяться.

Идея возмездия нравственно обоснована тогда, когда она не есть идея талиона, формального, качественного или только количественного равенства. Она не есть месть, которая характеризуется грубостью, инстинктивностью, безмерной и бессмысленной реакцией потерпевшего. Она не является и удовлетворением последнего, заглаживанием вреда, моральным возмездием. Она есть идея о том, что преступление как нарушение общественного порядка должно в жизни вызывать к себе отношение, соответствующее его отрицательной оценке. Она есть суть наказания.

Но на чем основано право наказания? Р. Оуэн в свое время говорил, что государство не имеет права наказывать человека, потому что само виновато в совершенном им преступлении. Теория Божественного происхождения права наказания усматривает это право в условиях возникновения религии: сам Бог, с сотворения мира, взял на себя труд управлять всеми делами в жизни физической, как и в жизни духовной, в политике, как и в религии. Л.Н. Толстой в романе «Воскресение» также пытается объяснить, что право государства наказывать - это узурпация Божественной власти воздаяния, это жалкая попытка людей в земном правосудии создать подобие суда небесного, не желая видеть, что их собственное несовершенство приводит лишь к извращению Божественных заветов: «Не судите, да не судимы будете!»

Тем не менее, в ходе исторического развития, в поступательно развивавшемся государстве право наказания перешло от руководителей племен, родов, союзов к государству, потому что все члены общества отказались от него в пользу этого органа. Но это вовсе не означает, что государство произошло или образовалось в результате произвола людей. В его основе лежит нравственная необходимость, ибо люди осознали, что они по самой природе своей вынуждены жить в государстве, которое немислимо без правового порядка. «Право наказания, - отмечает П. Росси, - так же законно, как и сам общественный порядок и общественные власти; они, как оно, олицетворяют нравственный закон, который должен быть приведен в исполнение человечеством. Человеческое правосудие есть естественный закон, основа нравственной системы мира, как тяготение есть закон физической системы, предназначенной для того, чтобы удержать все тела в предназначенной им орбите» [17, с. 284].

Но как и вследствие чего государство стало органом, исполняющим те функции, которые когда-то принадлежали общине и частному лицу? Кто дал государству это право? Вначале предводители племен, родов, союзов являлись не только законодателями, но также судьями и исполнителями собственного приговора. Это было естественно и необходимо, ибо если имели место нарушения правил общежития, то, соответственно, были и виды наказаний, а значит, существовали суды, которые, разумеется, представляли собой элементарные органы. Они изначально возникали не как отдельные органы, а как особая функция уже существующего в коллективе органа: жрецов, колдунов, шаманов, знатоков обычного права, обычаев. Они были во многих обществах и племенах. Следовательно, суд, в современном понимании, есть древнейшее учреждение, которое намного старше государства. Законность права наказания предводителей никем не ставилась под сомнение, ибо таково было решение сообществ. Поэтому, в принципе, можно согласиться с тем, что одно из условий нравственного начала наказания древними соблюдалось.

Что же касается права государства на формирование и применение наказания, то оно может быть оспоримо только как проблема философская и теоретическая, но не как реальность. Именно поэтому вопрос права наказания государством с практической точки зрения не является сегодня предметом серьезных обсуждений и исследований, в то время как философская проблема о праве государства наказывать всегда была в центре внимания не только философов и юристов, но и видных представителей религии, многих выдающихся мыслителей. Тем не менее, правильный ответ на философский вопрос о праве государства наказывать поможет точнее понять роль государства в современном, быстро меняющемся мире, значение уголовной юстиции и уголовной превенции, а тюке позволит построить такую систему наказаний, которая будет приниматься всеми и, главное, будет работать [5, с. 21].

К сказанному можно лишь добавить, что право наказания дает и право на определение целей, которые государство как субъект этого права собирается достичь посредством этого средства. В этом смысле, безусловно, данная проблема имеет огромное практическое значение, поскольку злоупотребление этим правом будет означать не безнравственность наказания, а безнравственную сущность самого государства, в руках которого находится это средство воздействия и принуждения.

Итак, именно государству принадлежит сегодня право на формирование системы наказания и установление порядка его практического применения. Отвечая на вопрос о том, как это право оказалось у государства, Ч. Беккариа писал: «Вот на чем основывается право суверена карать за преступления: на необходимости защищать хранилище общего блага от посягательств отдельных лиц» [1, с. 90]. Если согласиться с автором, то можно утверждать, что естественное начало - основной принцип права наказания - вытекает из необходимости защиты как самого общественного организма, так и отдельного его индивидуума. Именно государство взяло на себя обязанность охранителя заповедуемого его внутреннего мира от всяческих нарушений.

Ему единственному стало принадлежать как право запрета известных деяний и не деяний под страхом наказания, так и право назначения и исполнения наказаний. Одним словом, произошла добровольная передача права наказания от руководителей племен, родов и союзов к государству, потому что все члены общества отказались от него в пользу этого органа власти. Следовательно, законность этого права неоспорима, ибо люди осознали, что они по самой природе своей вынуждены жить в государстве, потому что для благосостояния и развития человека и роста культуры необходима совместная организованная жизнь людей, называемая общежитием, которое немислимо без правового порядка. Все это означает, что государство с его правом на наказание произошло или образовалось не в результате произвола людей, а основано именно на нравственной необходимости. А. Франк по этому поводу отмечает, что «право общества на каждого из своих членов есть необходимое условие его существования; оно необходимо для осуществления нравственного закона человечества и для развития его способностей, которые предполагаются этим законом» [23, с. 128].

Из права наказания, принадлежащего государству на основе добровольного общественного договора, вытекает неоспоримое право принуждения и устрашения. При этом нравственные начала, которые как бы выступают гарантом того, чтобы само государство не превысило своих полномочий, требуют от него в применении принуждения соблюдения пределов этого права, ибо против чрезмерного принуждения имеет право выступать контрпринуждение. Но почему же люди, которые сами добровольно объединились в сообщество, не в состоянии по своей доброй воле, без государственного принуждения соблюдать и уважать права каждого отдельного члена сообщества? Не противоречит ли механизм государственного принуждения высшему нравственному сознанию, свободе индивидуума?

В принципе, царство свободы исключает всякое принуждение, которое абсолютно неправомерно, ибо оно похищает внутреннюю свободу

индивидуума. Но так было в начале истории человечества, когда каждый рождался свободным, должен был быть свободным и мог действовать только по собственному усмотрению. Однако наступило время, когда община свободных людей задумалась над устройством взаимоотношений между членами сообщества, так как стало понятно, что если каждый будет поступать только по своему собственному усмотрению, то нельзя будет противиться злу насилием, иначе похищается внутренняя свобода индивидуума. Каждый имеет право защищать свою свободу силой, имеет право принуждать нарушителя его прав к соблюдению установленных правил. Однако принуждение не имело ни силы, ни гарантий правомерности, потому что оно было неорганизованным. Поэтому члены сообщества были вынуждены отдать (передать) свое право принуждения, то есть свою силу и свое право судить, - третьему, нейтральному субъекту, который должен быть сильнее и справедливее. Именно так появилась необходимость в законном праве субъекта по применению принуждения, которое не было дано природой, а есть продукт сознательной, целесообразной деятельности людей на добровольных началах с целью обеспечения справедливого порядка.

Это властное принуждение, которое мы сейчас именуем государственным, было основано, образно говоря, на договоре всех членов сообщества. Он устраивал всех, так как раньше право осуществлять принуждение принадлежало самим членам сообщества и обиженный легко мог оказаться в состоянии невозможности осуществить это свое право в силу своей слабости.

Кроме того, сами субъекты права не в состоянии были определять меру принуждения, то есть они не могли судить о том, нарушаемо ли право, в какой мере оно нарушено и т. д. Как говорил И. Фихте, «нет права принуждения без суда». Парадокс в следующем: человек добровольно соглашается на применение в отношении него принуждения третьим субъектом, осознавая, что этим он теряет часть своей свободы, ограничивает ее. Однако если вникнуть в суть этого исторического процесса, то становится

ясно, что, наоборот, именно посредством организованного правового принуждения защищаются права и свободы каждого члена общества. В противном случае права каждого нарушались бы постоянно: сильный обижал бы слабого, здоровый - больного и т. д. Поэтому принуждение, в принципе, не дает возможности одним властвовать над другими. Для этого каждый был вынужден, прежде всего, ограничить свою свободу так, чтобы рядом с ней могла существовать свобода другого лица. Причем это ограничение требует строгой взаимности: я лишь потому и лишь постольку ограничиваю свою свободу, поскольку другое лицо ограничивает свою. Принуждение, конечно, противоречит свободе и нарушает ее, но правовое принуждение - разрешение этого противоречия и устранение правонарушения, ибо принуждение здесь уничтожается принуждением. Правовое принуждение есть «второе принуждение, составляющее уничтожение первого принуждения». Оно есть отрицание отрицания свободы и поэтому утверждение свободы (Гегель).

История развития человечества свидетельствует о том, что нельзя вести борьбу со злом, преступным поведением только посредством проповеди и воспитания, ибо по природе человек агрессивен и зол, в нем еще живет жестокость и корысть. Всякое принуждение, конечно же, было бы излишним, если бы человек был нравственно совершенен, но ведь это только цель, идеал, к которому человечество движется, хотя и с большими трудностями и сложным путем. Это - путь непрестанной борьбы между добром и злом, с несправедливостью. И в этой борьбе принуждение, естественно, играет свою специфическую роль. Поэтому можно согласиться с тем, что нравственность наказания невозможна без принудительной организации права. Хотя зло не уничтожается злом, принуждением, а устраняется самопринуждением, внутренним перерождением, тем не менее, сопротивление злу наказанием может и должно быть оправдано именно с точки зрения высшей нравственности. Как говорят, непротивление злу прямо тождественно совершению зла, ибо в этике всякое упущение есть своего рода действие, а преступное бездействие есть преступление. Ни одна общественная среда не

может существовать без того, чтобы индивидуумы, входящие в нее, в большинстве своем не соблюдали бы установленные и всеми принятые правила поведения, если даже они противоречат воле некоторых или же возникает сомнение в их необходимости. Эти правила можно найти у дикарей, среди кочующих племен, даже среди преступников. Их соблюдение обеспечивается не правилами нравственности, а принуждением, наказанием за их нарушение. Но даже такое принуждение основано на нравственных началах, уровне развития этих сообществ.

В целом существуют три формы выражения воли общества: во-первых, определенное соглашение, договор между членами общества; во-вторых, обычай, когда воля эта получает молчаливое выражение среди членов общества; в-третьих, закон, когда воля есть выражение определенного органа. Во всех этих формах общества обязательно существует принуждение. Следовательно, наказание-принуждение не содержит в себе нечто прямо противоречащее принципу высшей нравственности. Поэтому оно будет оправдано как принуждение лишь тогда, когда будет доказано, что наказание и право на это государства составляют необходимые условия возможности высшей нравственности.

Принципы нравственности учат, как достигать поставленных целей посредством наказания, не ущемляя интересы и свободы членов общества, соблюдая правила нравственности отношений между государством и членами общества. Однако рядом с этими принципами существуют и другие начала общественных отношений, источник которых уже не в личности, а в обществе, в государстве. Это - законы, правила поведения, по которым мы должны жить.

Существенным их признаком является не признак свободы, как в отношении правил нравственности, а признак принуждения, внешняя их обязательность для всех. За несоблюдение законов, правил государство не может не наказывать, ибо по-другому невозможно обеспечить сохранение и дальнейшее развитие самого общества. Однако это принуждение будет по-

лезным только в том случае, если оно основано на принципах нравственности отношений между государством и членами общества.

Итак, принуждение наказанием, сопротивление преступным проявлениям может и должно быть оправдано, более того, оно необходимо именно с точки зрения высшей нравственности, но только в том случае, если принуждение наказанием не является насилием над личностью, а, напротив, противодействует насилию и злу.

Наказание - воздействие посредством предупреждения и устрашения на психическое состояние, чувства и мысли населения, а также на отдельного конкретного индивидуума, совершившего преступление. По сути, вначале это обращение к гражданам путем убеждения, а потом уже и угроза. Этологически аргументированное воздействие на рациональную сферу сознания людей. Следует особо подчеркнуть, что психологическое воздействие наказанием - это социальное воздействие, поскольку оно направлено не только на индивидуума, но и на все население. Эта функция наказания выполняется на первом этапе процесса наказывания, то есть с того момента, когда наказание вступает в силу. Поэтому мы не можем согласиться с мнением о том, что наказание вначале, то есть на первом этапе, выступая в роли уголовно-правовой санкции, работает как безликая угроза [11, с. 157]. На самом деле, именно с момента вступления в силу закона, если, конечно, об этом известно населению, начинается процесс реализации психологического устрашения наказания, которое обнаруживается в двух направлениях: оказывает общее влияние на сознание населения, действуя как мера профилактики, как бы напоминая людям о своем существовании, о начале своей «работы»; одновременно оно информирует членов общества о том, что им грозит в случае непослушания и совершения преступлений. Разве в этом случае не действует механизм психологического взаимодействия между членами общества и уголовным наказанием? Реализация психологического воздействия уголовного наказания с момента его принятия осуществляется в форме психологического противодействия преступлению, а не физического

удержания от преступного намерения. Оно воздействует на психику человека, то есть возбуждает в нем чувство страха, заставляя его соотносить свое поведение с установленными требованиями общества. Устрашение фактически противостоит тем качествам, потребностям, желаниям, которые толкают человека на совершение преступления, предупреждая его о невыгодных последствиях. В основе психологического устрашения лежит страх перед физическим и нравственным страданием. Поэтому сознание наказуемости, страдания, лишения благ является важнейшей частью психологического содержания, волевого процесса и выступает контрмотивом антиобщественного поведения.

Таким образом, можно утверждать, что задача устрашения состоит именно в возбуждении такого мотива, который, вступая в борьбу с иными мотивами, должен преодолеть их и склонить субъекта к требуемому правомерному поведению.

Сегодня большинство психологов склоняются к тому, что в исходном пункте психической регуляции лежат потребности, первичные, жизненные (витальные) двигатели, которые приводят в динамическое состояние психику человека, направляя ее в конечном счете на цель, предмет удовлетворения потребности [12, с. 132].

Еще Л.И. Петражицкий писал, что именно психология, ее теория мотивации, способна дать научно обоснованное решение вопросов регулирования и оценки индивидуального и массового поведения [15, с. 193].

В психологии термином «регуляция» обозначается действие множества психических факторов, в результате которого формируются образы поведения личности, коллективов, социальных групп. Регулирование деятельности людей - вот на чем сходятся задачи психологии и различных гуманитарных наук.

О.Д. Ситковская справедливо отмечает: «Если исходить из того, что психология - наука о закономерностях психической деятельности человека и их реализации в поведении, то очевидно, что и предмет юридической

психологии включает базовые закономерности правового регулирования этой деятельности на уровне формирования концепции законодательства, следственной и судебной практики в сфере уголовно-правовых мер борьбы с преступностью» [19, с. 4].

Психологическое воздействие наказания состоит в подавлении, ослаблении, искоренении черт человеческого характера, могущих привести к совершению преступления. Психология подсказывает законодателю, как лучше добиться необходимого результата посредством уголовного наказания, помогает познать эффективность психологического воздействия наказания на население в целом и на отдельных индивидуумов в частности. Именно через психологию мы в состоянии уяснить, понять систему «наказание - человек». Поэтому юристам, из числа тех, которые думают, что, кроме правового, никакого другого регулирования деятельности людей в мире не существует, начинать надо с психологии [12, с. 116].

В настоящее время для психологической науки представляет серьезный интерес глубокое исследование психологического отношения человека к уголовному наказанию как к средству воздействия на психику индивидуума с целью создания эффективной системы наказания. Речь идет о создании системы «наказание - человек», «человек - наказание». Поэтому представляется правильным, наряду с криминальной, судебной и исправительно-трудовой психологией, в подсистему юридической психологии включить также законодательную психологию, или психологию правотворчества.

Можно ли создать, сформулировать эффективное, оптимальное наказание, опираясь только на его предупредительно-устрашительную силу и возможности, что, кстати говоря, имеет место сегодня в практике законодательной работы?

Потребности законодателя в психологических подходах к системе «наказание - человек» являются совершенно очевидными и необходимыми как с теоретической, так и с практической точек зрения. Законодателю не

должно быть безразлично, что творится в душе человека, являющегося объектом психологического воздействия уголовного наказания, как он воспринимает то или иное наказание. Законодатель, который не учитывает это обстоятельство, не в состоянии принять правильное научно обоснованное решение относительно выбора вида и размера уголовного наказания. Кроме этого чисто практического юридического момента есть также теоретическая необходимость создания системы наказаний на прочном фундаменте знаний о психологии человека.

В системе «наказание - человек» психические процессы деятельности, формирование поступков развиваются в соответствии со своими закономерностями и приводят в конечном счете к поведенческим актам, в том числе, и противоправным. Задача законодателя заключается в определении наиболее эффективного воздействия на это поведение. А это возможно только с учетом знания психологического отношения человека к угрозе наказания. Однако с учетом того, что психология людей разная, невозможно найти единого инструмента, средства психологического воздействия на каждую личность. Поэтому речь может идти только об общем правосознании общества (населения) в целом и его отношении как к преступлениям, так и к наказаниям.

Одним словом, законодательный орган должен знать и учитывать закономерности и механизм воздействия наказания на поведение людей, а также отношение самого населения к системе наказания в целом и отдельным его видам в частности. Следовательно, научно обоснованное законодательство по формированию наказания включает и обязательность использования данных психологических наук.

Известно, что человек способен самостоятельно и независимо от знания законов находить правильный вариант поведения. Немало людей, плохо осведомленных относительно уголовного наказания, могут, тем не менее, различать преступное от непротивоправного, противоправное от законного. Это - интуиция, которая, по утверждению психологов, — вид познания. Значит ли

это, что в отношении этой категории людей наказание не оказывает психологического воздействия?

В разговоре со своим соотечественником, проживающим в Европе достаточно долгое время, я открыл для себя весьма важную деталь, имеющую отношение к нашей проблеме. Я поинтересовался, как часто он бывает на исторической родине, в Азербайджане, на что он ответил: «Очень редко». На вопрос: «В чем причина?» - он ответил: «В Баку очень много полицейских». Честно говоря, поначалу я подумал, что это шутка, но потом выяснилось, что он говорит абсолютно серьезно. Выяснилось, что полицейские оказывают на него отрицательное психологическое воздействие; видя их, у него появляется страх, и не потому, что он их боится, а потому, что для него это непривычно. Это мы привыкли видеть стражей порядка на каждом шагу, поэтому их наличие нас не пугает.

То, что видит, ощущает, воспринимает или представляет себе наш соотечественник в Европе от частой встречи с представителями правопорядка, он переживает чувственно, в результате чего формируется эмоциональное отношение к полицейскому. То же самое можно сказать относительно воздействия наказания на население.

Интуитивное соблюдение законов еще не означает, что человек не находится в информационном взаимодействии с уголовным наказанием. Личность может быть не осведомлена о конкретном наказании за то или иное преступление, однако она осознает, что за это последует та или иная ответственность. Дело в том, что природа переживаемых нами ощущений и восприятия от наличия наказания нам не известна, но действие известно и состоит в способности человека к переживанию от свойств и содержания наказания, то есть от страданий и переживаний, которые может причинить наказание.

Переживаемые нами ощущения и восприятие от наличия уголовного наказания не проходят бесследно, а оставляют «следы», природу которых можно назвать психологическим принуждением или воздействием,

устрашением. Переживания в психологии называют представлениями. Применительно к рассматриваемой проблеме человек представляет себе последствия наказания: лишение свободы, позор, страдание в процессе отбывания наказания, условия, в которых он будет его отбывать, и т. д. Представление касается той части населения, которая еще не подвергалась наказанию. А для тех, кто уже это пережил, видел, испытал, для них это - воспоминания.

Итак, если считать, что юридическая психология - психологическая закономерность системы «человек - право», то, соответственно, психологическое воздействие наказанием - это система «человек - наказание», которая должна быть разработана психологией, философией, криминологией, социологией, педагогикой и другими науками. Здесь речь идет о сложном объекте и предмете исследования - человеке как существе биологическом и социальном с его психической деятельностью. Располагает ли наказание объективными свойствами воздействия на психику человека?

Уголовное наказание как ограничение, страдание, лишение, налагаемое на человека извне государством, несомненно, как раз и является источником страха. Как объясняют психологи, страх наказания является чувственным аспектом напряжения, порождаемого угрозой лишения, мучения, позора и т. д. Человек с самого раннего возраста демонстрирует поразительную способность испытывать страх перед предметами и событиями, таящими в себе опасность для жизни. Как известно, некоторые психоаналитики пытались провести различия между феноменами, вызывающими беспокойство у человека и описываемыми в таких терминах, как «страх», «боязнь», «испуг», «тревога» (З. Фрейд, К. Хорни, Г. Салливан и др.).

Таким образом, страх является неуловимым психическим состоянием, которое возникает у человека. Следовательно, должны быть какие-то основания, причины для возникновения у человека этого страха. Угроза применения наказания и является одним из этих источников. Однако «грозить разумным образом можно лишь за что-нибудь, за какое-либо

определенное действие (или бездействие), совершить или не совершить которое зависит от воли того, кому предъявляют требования» [13, с. 54].

Поэтому, без сомнения, страх - один из важных мотивов действия и воздержания как для человека, так и для животных. Следовательно, полезность страха видится в том, что он мобилизует силы человека для активной деятельности, а это зачастую бывает необходимо в критической ситуации.

Нормальный страх способен мобилизовать сознание и волю человека. Значит, страх в этом смысле может быть достаточно действенным контрмотивом к совершению преступлений. Именно это положительное значение страха является одним из основополагающих мотивов в общепредупредительном действии уголовного наказания. А из этого следует, что законодатель при определении характера наказания не может не учитывать данное обстоятельство. При этом нельзя забывать, что страх в малых дозах стимулирует, в больших - парализует [24, с. 69-70], поскольку за некоторыми пределами возрастания социального страха начинают проявляться исключительно негативные и даже разрушительные его стороны.

Голландский философ Б. Спиноза писал: «...ни одно общество не может существовать без власти и силы, а следовательно, и без законов, умеряющих и сдерживающих страсти и необуздываемые порывы людей. Однако человеческая природа не терпит, чтобы ее неограниченно принуждали... Законы в каждом государстве должно так устанавливать, чтобы людей сдерживал не столько страх, сколько надежда на какое-нибудь благо, которого больше всего желают; ведь таким образом каждый охотно будет исполнять свою обязанность» [22, с. 63-79].

Действительно, жизнь показала, что, чем больше в государстве свободы, тем мягче в нем наказание, ибо когда народ счастлив, свободен, то нет необходимости в умножении угрозы, кар. Люди, живущие в обществе, достигшем достаточного культурного уровня, способны руководствоваться

мотивами более высокого порядка, то есть нравственными, а не страхом перед угрозой закона, поскольку боязнь наказания - невысокая стадия нравственного и правового развития личности.

На какие же элементы генезиса предпреступного поведения человека влияет страх перед наказанием? Скорее всего, такими элементами являются, в первую очередь, потребности человека, его интересы, иначе говоря, выбор человеком между законными и незаконными возможностями удовлетворить имеющиеся у него потребности.

Угроза наказанием влияет также и на систему ценностных ориентаций личности. В принципе, чтобы ответить на вышестоящий вопрос, необходимо, конечно же, определить механизм преступного поведения человека. Но, к сожалению, сегодня ни одна из наук не смогла дать конкретный ответ относительно причин преступного поведения.

Может ли человек освободиться от страха? Согласно Г. Салливану, можно говорить о четырех способах, позволяющих снять напряжение страха:

- устранение вызывающих страх обстоятельств;
- избегание этих обстоятельств;
- нейтрализация ситуаций, порождающих страх;
- игнорирование ситуации угрозы или игнорирование риска. Какой же из

этих четырех способов более приемлем для снятия страха перед наказанием?

Представляется, что для людей *избегание обстоятельств* является наиболее приемлемым способом для снятия напряжения страха наказанием. В данном случае этими обстоятельствами являются правомерное поведение, а для потенциальных нарушителей закона - нейтрализация ситуаций, порождающих страх, для профессиональных преступников - игнорирование ситуации угрозы.

Таким образом, благодаря использованию одного из четырех способов, каковыми располагает индивидуум, он в состоянии исключить, устранить обстоятельства, способствующие возникновению страха наказания: или правомерным поведением, или совершением преступления. Конечно, было

бы хорошо, если бы человек не совершал преступлений, исходя из внутреннего убеждения и наличия доброй воли. Но, к сожалению, такое внутреннее убеждение вряд ли возможно посредством наказания. Для этого нужны другие средства воспитания, ибо вредные, отрицательные качества в человеке возможно устранить внутренним перерождением и самовоспитанием. Как нельзя принудить человека к патриотизму, уважению чужой собственности, проникновению чувством любви к ближнему, так и посредством наказания невозможно переустроить или усовершенствовать внутренний мир человека, ибо наказание - это принуждение, предупреждение, а не убеждение.

Наказанию недоступны проблемы улучшения внутренних качеств, свойств человека. В лучшем случае оно вырабатывает конформность поведения, но не в состоянии изменять сознание, укреплять нравственные нормы.

Венский ученый Леффлер придерживается по этому вопросу другого мнения. Он полагает, что если «лучшие из граждан сами по себе уже питают известное отвращение к большинству деяний, отмеченных государством как преступление, то это чувство есть продукт общественного воспитания и важнейшую роль в этом воспитании сыграло именно уголовное наказание» [25, с. 388]. Соглашаясь в целом с таким утверждением, С.П. Мокринский добавляет следующее: «Наказание, по крайней мере, уголовное, в состоянии - самое большее - укреплять существующие нравственные представления, но, отнюдь, не творить, не создавать их вновь». И далее: «Если непосредственно уголовно-политическая система психологического принуждения преследует цель нравственной поддержки слабого духом сообщественника в момент преходящего колебания, то, посредственно содействуя общему укреплению нравственных и юридических устоев общественной жизни, она сокращает шансы самого возникновения таких моментов» [14, с. 96-97].

Автор высказывает довольно оригинальную мысль, суть которой сводится к тому, что на смену отжившему свое время физическому и

психологическому устрашению приходит новая сила, способная без угроз и принуждения защитить правопорядок и, соответственно, обеспечить спокойствие. Что же это за новая сила? С.П. Мокринский отвечает: «Эффект карательного воздействия наказания сводится в наши дни, и чем далее, тем исключительнее, к причинению *нравственного страдания* (выделено нами. - *И. Р.*), и оно же лежит, соответственно, в основании репрессивной силы угрозы уголовного закона» [14, с. 75].

Как видим, автор уверен в том, что не чувство страха перед физическим мучением, страданием, принуждением, устрашением, наказанием, а стыд перед общественным осуждением составляет тот чувственный стимул, на котором может с надеждой на успех основывать свой расчет современная уголовная политика. Согласно этой логике, автор предлагает систему психологического принуждения наказанием характеризовать теперь видовым социальным признаком - не устрашением, принуждением, а общественным пристыжением. Спорить не буду, возможно, во времена С.П. Мокринского, действительно, считалось позорным носить клеймо преступника, вора, убийцы, грабителя и т. д., но, к сожалению, в настоящее время некоторые виды преступного поведения человека со стороны общества более не считаются безнравственными поступками и не являются предметом серьезного обсуждения и осуждения, как это было в бытность социализма. Общественное пристыжение имеет силу там, где уровень нравственности и морали общества высокий. Одновременно психологическое воздействие имеет эффект и результат в том обществе, где высокий уровень гражданственности и культуры, развито личное самоуважение, а также высокий уровень правосознания населения. Поэтому сейчас еще рано говорить о перенесении центра тяжести из психологического воздействия, устрашения на общественное пристыжение и нравственное давление общества. Вначале следует поднять уровень развития самого общества, а потом уже подумать об изменении характера наказания в сторону смягчения. Вообще-то, современная психология свидетельствует, что воспитание, в том

числе и нравственное, приспособленное к определенным категориям людей, может быть очень вредным для других. Поэтому определенная система наказания, полезная для одних народов, может быть вредной для других. Действенность, полезность психологического предупреждения и устрашения покоится на его соответствии этико-социальным воззрениям общества, общепринятым представлениям о требованиях нравственности и воздающей справедливости.

Бесспорным можно считать тот факт, что, если наказание и его характер соответствуют нравственному, правовому уровню развития общества, то посредством психологического воздействия на население, то есть предупреждения и устрашения, можно оттолкнуть большинство от преступных намерений.

Но для этого необходимо, чтобы нравственный облик общества был выше, чем нравственность составляющих его индивидов, ибо только совокупность людей способна к высокому бескорыстию и преданности. Только в этом случае психологическое воздействие общества может быть эффективным в отношении его членов. Именно общество предписывает человеку нормы его нравственности, отдельный же человек, как правило, от этих высоких требований каким-то образом отстает.

Каковы гарантии того, что государство, власть не злоупотребит наказанием как устрашением, принуждением? Несомненно, не всякое насилие над личностью может быть оправдано общепольной целью. Это очевидно. Конечно же, общество не может не наказывать, но в определенных пределах. Иначе говоря, самое важное - уметь достигать поставленных целей, не выходя из границ нравственных, справедливых оценок личности.

Так, например, если законодатель, желая остановить рост наркомании в стране, устанавливает за это наказание в виде смертной казни или лишения свободы на 25 лет, то понятно, что в данном случае отдается предпочтение общему предупреждению посредством угрозы наказания, а личность выступает средством достижения поставленной цели.

Мудрый законодатель всегда ищет компромисс между интересами личности, совершившей преступление, и обществом в целом, из среды которого неизвестные, возможно, в будущем совершат преступление. История уголовной политики свидетельствует о том, что авторитет законодателя, а значит, и власти покоится отнюдь не на страхе наказания, то есть в его ужесточении, хотя в определенных условиях в этом появляется необходимость, а на общественной доверии, солидарности взаимных интересов, соблюдении исторических традиций и обычаев. Психологическим воздействием, принудительным подчинением, жестокостью законодатель, власть отталкивают от себя общество, хотя в определенной степени и предупреждают преступления. Предпочтительнее, если люди добровольно тяготеют к уважительному отношению к законам. Поэтому *нравственные начала наказания требуют осознанной его необходимости.*

Как известно, принцип середины был провозглашен основателем этики Аристотелем. По его мнению, нравственные устои, подобно вершине горы, должны господствовать над расположенными в ее подножии страстями по избытку и недостатку. В принципе, если в природе все наделено такими же свойствами, что всякий излишек или недостаток в отношении к чему бы то ни было влекут за собой в той или иной степени непременно вредные последствия, то в нравственности должна быть середина, то есть граница между нравственным и безнравственным. По сути, Аристотель перенес в этику известное положение древних греков «ничего слишком». Если взять за основу рассуждения Аристотеля при определении отношения человека к смертной казни, то нравственные начала должны быть главными, основополагающими по сравнению (наряду) с другими аргументами «за» и «против». Если в нравственности срединная основная фигура - человек, то в наказании все обращается вокруг общества в лице государства, ибо оно является творцом, субъектом обеспечения интересов общества.

Наказание определяет нрав народа в целом, его отношение к этой мере. Нравственность же определяет отношение индивидуума к наказанию, его

внутреннее свободное чувство. Так как субъектом права наказания является государство, только оно может быть нравственным или безнравственным. Поэтому, когда говорится о нравственности или безнравственности наказания, то имеется в виду именно государство, а не наказание, которое является лишь средством в руках субъекта.

Следовательно, границу между нравственным и безнравственным определяет государство, то есть определение середины нравственности принадлежит государству. Оно может дать перевес общественному благу, например охране собственности государства, тогда преступников - крупных расхитителей следует расстреливать, как это было в бытность СССР. Если же дать перевес личной свободе, то тогда нужно отказаться от сурового наказания за умышленное убийство. Справедливое же требует нечто среднее между избытком и недостатком, значит, нечто равное. Иначе говоря, справедливость, нравственные начала отнимают лишнюю часть от избытка и отдают недостатку и тем самым образуют элемент уравнивающий, восстанавливающий. Однако следует учесть, что очень часто начала нравственности неоправданно смягчают неизбежную строгость и неумолимость начал наказания.

Высочайшей целью любого развитого в нравственном аспекте общества являются, разумеется, интересы общего блага и отдельных его членов. Поэтому если государственная власть строит свое отношение, исходя из приоритета собственно политических интересов над обществом, то это вряд ли можно считать явлением нравственным. Именно принцип справедливости является критерием оценки нравственной сущности государства в отношении к общему благу, а гуманизм определяет границы нравственности в отношении отдельной личности.

В гуманизме выражается отношение между государством и личностью; в справедливости - отношение государства к общественным интересам с учетом абсолютной ценности человека. Гуманизм - это нравственная позиция государства, выражающая признание ценности человека как личности.

Именно гуманизм не дает возможности государству прибегать к репрессивной модели уголовной политики в отношении личности преступника как носителя «злой воли». Справедливость же выступает как принцип, который не дает возможности государству нарушить золотую середину, то есть предостерегает его от вредных последствий в случае пренебрежения интересами общественных благ. Итак, если принцип гуманизма служит интересам конкретной личности, то принцип справедливости в форме возмездия (воздаяния) - интересам общего блага.

Следовательно, при определении отношения к наказанию государство оказывается между двумя принципами - гуманизмом и справедливостью. Представляется, что, исходя из этих основных положений философии, которые служат научной теоретической базой, основой исследования конкретных проблем других наук, в том числе и правовых, следует подходить к основам нравственных начал наказания.

Неоспоримое право государства на наказание и установление пределов принуждения означает, что именно этому органу принадлежит также деятельность по выработке системы карательных мер, установлению точной и ясной границы между нравственным и безнравственным применением принуждения как противостояния злу преступлением.

Уголовное правотворчество по выработке определения наказания — сознательный процесс познания необходимости принятия этого средства, а также осмысление предстоящей деятельности по применению, определению целей и способов его достижения. Ведь прежде чем приступить к деятельности, необходимо осознать, что и каким образом следует сделать. Поэтому мудрый законодатель, перед тем как принимать то или иное наказание, должен в полной мере осознать не только его юридическую необходимость, но, в первую очередь, *нравственную значимость*, и проинформировать об этом общество, ибо именно «народ, повинующийся законам, должен быть их творцом» [18, с. 218]. Законодатель должен быть убежден не только в юридической, правовой необходимости, но и в

нравственности принятия решения о наказании или же о его изменении. Значит, прежде чем принимать наказание, следует глубоко изучить социальные условия, обстоятельства, факторы, которые привели законодателя к его возникновению. Особое значение имеет то, как воспримет население принятие такого решения, ибо именно от этого во многом зависит внутренняя убежденность населения в необходимости и справедливости наказания и его практического применения. Главное, чтобы появилась нравственная потребность в том или ином наказании. Т. Гоббс в свое время писал, что «понятность закона зависит не столько от изложения самого закона, сколько от объявления причин и мотивов его издания. Именно это показывает нам намерение законодателя, а когда намерение известно, легче понять закон, изложенный кратко, а не многословно» [4].

Каждое наказание, его характер должны возникать не по капризу законодателя как представителя господствующей власти, а вызываться потребностями жизни. В противном случае это наказание создаст определенные социально-политические проблемы. Поэтому в процессе образования наказания должны участвовать два принципиальных и фундаментальных фактора: *нравственный уровень общества, то есть объективный фактор, и мыслительная, познавательная деятельность - субъективный фактор*. Ж.-Л. Бержаль отмечал, что «социология как наука, анализирующая факты социальной жизни людей на достаточно высоком уровне обобщения, выступает в роли одного из существенных элементов, содействующих разработке, применению и эволюции позитивного права» [3, с. 275]. А по мнению Б.А. Кистяковского, процесс правообразования, по крайней мере на первых стадиях своих, чисто социальный процесс [10, с. 208]. Представитель социологической концепции права Р. Иеринг исключал «неосознанное» развитие права, признавал «целевой закон» как главный закон общественного развития главным правообразующим фактором, ведущей правосозидающей силой и связывал его осуществление с деятельностью субъекта законотворчества [8]. В то же время успешная

деятельность по созданию системы наказания зависит от правовой культуры законодателя, его подлинно творческого отношения к своей миссии, от овладения юридической наукой, искусством «делать» законы.

Правовая культура тысячами нитей связана с общей культурой. Ее мощное благотворное влияние на правовое сознание, мышление, мировоззрение творящих законы, на их ценностные правовые установки непосредственно или опосредованно определяет характер законодательства, обуславливает его адекватность историческому и национальному духу народа, потребностям и интересам людей [9, с. 349].

К сожалению, современное уголовное законодательство не учитывает вышеизложенные факторы. Поэтому фактически законы - это то, что создается государством без учета общественного мнения или им санкционируется, то, что обеспечивается его принудительной силой, то, что предстает в виде норм и имеет формальную определенность. Именно по этой причине уголовный закон очень часто не получает внутреннего одобрения, согласия общества в его необходимости и справедливости. И. Бентам в свое время ставил вопрос о том, что значит правильно и неправильно рассуждать о законах. Правильно рассуждать о законах - «это значит представить все то благо и все то зло, которые должен повлечь за собой закон: чем больше благ, тем больше доводов в его пользу; чем больше зол, тем больше доводов против него». Неправильно рассуждать - «значит представлять в защиту или опровержение закона не его хорошие или дурные последствия, а что-нибудь другое» [2, с. 166]. Следует помнить, что для уголовной угрозы, как для всякого средства воздействия, существует предел, за которым увеличение дозы, не возвышая существенно шансов достижения сравнительно частной цели — уменьшения социального зла преступности, начинает грозить расстройством целого или его более крупных частей.

Установить искомый предел есть дело такта уголовного законодателя, задача его общей социальной политики [14, с. 68]. Ведь как лекарство не достигает своей цели, если доза слишком велика или мала, так и наказание,

когда оно переходит меру необходимости. Принимая то или иное наказание за определенное деяние, законодатель понимает, что в случае нарушения закона лицу придется претерпеть известные чувственные страдания или нравственное лишение, ограничение как необходимое и разумное последствие. Законодатель поступает безнравственно, если заранее знает, что эти страдания не соответствуют содеянному, и, значит, воздаяние не служит идее права, справедливости и нравственности наказания.

Очевидно и бесспорно, что чем важнее закон, а точнее, объект охраны, который нарушается преступлением, тем важнее и само преступление. Важность, ценность объекта посягательства определяет степень тяжести наказания. Но какой объект важнее?

Это понятие относительное, поскольку данный вопрос решает сама государственная власть, то есть это индивидуальный взгляд каждого государства. И это вполне справедливо и правильно, ибо у каждого народа есть свои критерии оценки нравственных ценностей и свое понятие о важности тех или иных ценностей. Следовательно, у каждого народа - разный взгляд на степень тяжести того или иного преступления. А значит, и наказания за одно и то же преступление у разных народов, как правило, различны. Конечно, было совершенно бессмысленным, несправедливым и безнравственным установление смертной казни за хищение государственного и общественного имущества в период Советской власти. В данном случае государство, устанавливая эту меру наказания, исходило не из норм нравственности, принципов гуманизма и идей справедливости, а из идеологических соображений и ложных представлений относительно уголовной политики в борьбе с преступностью. Степень важности деяния определяется в каждую данную эпоху законодателем с учетом интересов господствующей власти, местом личности и его интересов в обществе. Поэтому построение системы наказаний, предназначенных для всех времен и народов, невозможно так же, как невозможно считать те или иные действия преступными в различные периоды истории развития разных народов.

Как мы отмечали ранее, не следует думать, что возможно создание идеальной системы наказания, а также идеальных отдельных, конкретных наказаний, как по форме, так и по содержанию. Виды и размеры наказаний постепенно подвергаются изменениям, поскольку каждая эпоха выдвигает свои критерии оценки значимости преступных деяний [16, с. 184-185].

Так, например, сегодня наказания средневековой эпохи отвергаются и представляются несовместимыми с принципами гуманизма и нравственности, хотя они считались целесообразными с точки зрения законодателей того времени. И в этом нет ничего удивительного и странного, ибо каждая эпоха вырабатывает свои наказания, свои меры воздействия на преступные проявления, которые для последующей эпохи могут оказаться неудовлетворительными, нецелесообразными, а значит, безнравственными. Где же все-таки заканчивается граница применения принуждения государством, которую следует считать красной линией?

Можно, конечно, эту границу определять исходя из того, как общество относилось и относится к лицу, совершившему преступление, то есть сохраняется ли к нему человеческое, нравственное отношение или нет. Если да, то, естественно, общество посредством наказания не будет стремиться к мести, отмщению, а только подтвердит факт необходимой обороны от злодеяний и утвердит право на защиту своих членов. Иначе говоря, общество провозгласит: «Я хочу предупредить зло, преступления, защитить вас, граждане, а не уничтожать, унижать за эти деяния». В доказательство верности общество уже при определении уголовного наказания должно придерживаться принципа соответствия наказания преступлению, предусмотренному в законе, исходя из нравственного уровня народа. Так, например, во времена Драконта в Афинах почти за все преступления назначалось одно наказание - смертная казнь. Не случайно поэтому выражение Демида, что «Драконт написал законы кровью...».

Плутарх, упоминая о правлении афинянина Солона (VI в. до н. э.), одной из его основных заслуг признавал то, что он «прежде всего, отменил все

законы Драконта, кроме законов об убийстве». Из этого исторического примера можно, конечно, заключить, что законы Драконта были основаны не на нравственных началах, а на угнетении, страхе, ужасе. Однако, прослеживая историю преступления и наказания, нетрудно заметить, что чередование периодов ужесточения наказания или, напротив, смягчения (либерализации) не связано с какими-либо явными закономерностями. Каждое такое изменение имело конкретные исторические причины, которые могли быть и случайными. В частности, такого рода изменения зависят от общественно-политического устройства общества, от особенностей личности конкретного правителя, склонного к тирании или же к милосердию. Следовательно, нравственные начала наказания зависят во многом от того, кто и в каких условиях и обстоятельствах им пользуется.

Принцип человеколюбия - не в самом средстве, а в самом обществе в лице государственной власти. Можно иметь достаточно демократические законы, основанные на нравственности и гуманизме, однако использовать их как средство репрессии, давления, угнетения.

Тем не менее, история человечества свидетельствует, что уровень нравственных начал наказания напрямую зависит от уровня развития самой нации. В принципе, можно утверждать, что система наказаний, как зеркало, отражает нравы, устои, традиции, уровень сознания, в том числе правового, каждого народа, нации. С.П. Мокринский отмечал: «...уголовно-политические соображения, с одной стороны, и с другой - нравственные воззрения руководящих кругов населения, юридические начала, уже воспринятые законодательством, и сила исторической традиции - таковы основные факторы, определяющие устройство уголовной репрессии» [13, с. 19].

Совокупность наказаний, применяющихся в каждом народе в определенную эпоху, образует систему наказаний. Выбор системы наказаний, то есть вид, размер, характер, степень жесткости и т.д., определяется состоянием общей культуры, нравственности,

государственными и общественными условиями данной эпохи. В Риме, например, система наказания первоначально была построена на композициях для незначительных преступлений, а для более важных - на институте сакрации, то есть посвящения преступника божеству; ему запрещалось давать убежище, в случае поимки его казнили, но граждане могли избежать этого наказания добровольным удалением из общества.

Древнегерманская система наказания основывалась на идее частного вознаграждения и идее бесправия. Преступление рассматривалось как нарушение частного права, наказание - как вознаграждение за это нарушение. Кто не может вознаградить деньгами, платит своей личностью, обращаясь в рабство.

Карательная система русского права пережила однородные исторические ступени. Подобно римской и германской, она начиналась с денежных взысканий, имевших целью частное вознаграждение потерпевшего. Совершенно иные идеи в систему наказания были внесены каноническим правом западной церкви. Видя в преступном деянии грех, на наказание канонисты смотрели как на средство примирения преступника с обществом с целью умилоствовать Бога.

В принципе, определение системы наказания, а также характера отдельных ее видов должно, безусловно, основываться, с одной стороны, на нравственных, а с другой - на юридических началах, которые законодатель не может игнорировать, если он преследует цель предупредить преступные проявления, а не мстить преступнику.

Разумеется, законодатель может из политических или других корыстных соображений игнорировать эти начала. Однако, в конечном счете, он убедится, что это недальновидная и немудрая уголовная политика. Законодатель может идти впереди общества, показывая тем самым, что он - выразитель нравственного начала.

И наоборот, можно быть законодателем, оказавшимся позади общества из-за незнания нравственного и культурного уровня развития своего народа.

В таком случае из его рук общество получает систему наказаний не только неэффективную, но и вредную.

Должен ли законодатель считать себя связанным с моральным мировоззрением своего народа? Конечно, он не должен и не может игнорировать мнение общества относительно справедливости наказания за то или иное деяние, ибо не исключено, что общество сочтет нравственно недозволенным, несправедливым то или иное конкретное наказание за то или иное деяние.

В таком случае законодатель может потерять авторитет и доверие со стороны населения. Это возможно тогда, когда наказание окажется слишком жестким, явно не соответствующим предусмотренному в законе деянию, а значит, противоречащим нравственному уровню народа. Эффекта от такого наказания ожидать не стоит. Оно практически будет игнорироваться людьми.

Законодатель, опираясь на сущность и содержание своего общественно-политического режима, может пользоваться наказанием как сильнейшим средством для проведения в обществе своих идей и взглядов на те или иные проблемы жизни.

Результатом нравственного развития человечества являются, как известно, поступательные шаги к смягчению системы наказаний, хотя и медленно. Однако история учения о наказании свидетельствует, что при одном и том же уровне развития принципов гуманизма, нравственности законодатели могут определять и применять в разных странах разнообразные системы наказания. Для нас история наказания и основы его построения интересны и поучительны не только в смысле познания сути этого феномена, но и в плане всестороннего изучения быта, обычаев, нравов, менталитета народа, использующего на протяжении веков это средство борьбы со злом, преступлениями как сильнейшее оружие воздействия на людей.

Система уголовного наказания почти у всех народов на ранней стадии своего развития, скорее, была средством ограничения обычаев, вытеснения нежелательных традиций, ибо они уже не соответствовали нравственному

уровню той или иной нации. При этом такого рода санкции (наказания) носили не законодательный, а, скорее всего, повелительный характер. Интересно то, что эти карательные установления имели сходный характер для отдельных рас, весьма отличных друг от друга. Таким образом, получается, что процесс развития системы уголовного наказания у всех народов почти одинаков.

Именно систему частной мести и личной защиты от посягательств многие считают первым этапом развития системы уголовного наказания в обществе. Всякий мог мстить за причинение ему зла способом, каким ему хотелось, и обычаи рода не считали такое поведение преступным. Можно сказать, что племя, род, община как бы санкционировали такой способ борьбы с нарушениями прав и свобод других людей. С этого момента и появляется идея возмездия, то есть способ реагирования на зло, хотя еще не существовало уголовного наказания в том смысле, в каком мы понимаем его теперь, ибо возмездие не носило характер закона, принятого кем-либо. Считать жестокие телесные наказания, существовавшие в свое время почти у всех народов, совершенно отвергнутыми теоретически и практически нельзя, ибо они вполне соответствовали умственному, культурному и нравственному развитию той эпохи. Н. Евреинов отмечает: «Черты варварства, жестокости, душевной загрубелости, развращенности или приниженности, присущие той или иной нации, легко находят себе объяснение в тех мерах обуздания и устрашения, к которым долго народ привыкал в продолжение веков своей государственной формации» [6, с. 2].

Именно телесные наказания в период Средневековья наиболее соответствовали сущности государства и общества того времени, умственному, нравственному и экономическому уровню. Тогда, наверное, нужны были наиболее карательные, жесткие и очень простые и дешевые наказания, каковыми и являлись телесные наказания, олицетворяющие грубую силу, развращающие и наказывающих и наказуемых. Итак, разумно употребляемое наказание есть средство полезное и необходимое, а вовсе не

безнравственное, и такое его применение, наоборот, прямо согласуется с нравственными началами, если, конечно, мы не переходим границу между нравственным и безнравственным использованием наказания как устрашения и принуждения.

Нравственные начала как раз и выступают гарантом того, чтобы государство не превысило своих полномочий, требуя соблюдения пределов права принуждения. Если общество посредством наказания не стремится к отмщению, то есть сохраняет к лицу, совершившему преступление, гуманное, человеческое отношение, а только подтверждает факт необходимой обороны от злодеяний и утверждает свое право на защиту своих членов, то можно считать, что граница соблюдается. Одним словом, принципы нравственности учат государственную власть, как достигать поставленных целей посредством наказания, не ущемляя интересы и свободы своих граждан, соблюдая правила нравственности отношений между государством и членами общества.

Нравственный принцип требует, чтобы люди свободно совершенствовались в условиях общества, которое не может существовать, если членам этого союза беспрепятственно предоставляется возможность совершать убийства, насилие, грабежи и т. д. Каково должно быть отношение общества к таким явлениям именно с нравственной точки зрения? В первую очередь - защита общих интересов и обеспечение общественной безопасности посредством наказания. Но чтобы это средство не оставалось пустой угрозой, оно должно опираться на реальную, действительную силу, достаточную для приведения его в исполнение.

Только посредством принуждения, устрашения, не допускающих физического насилия и унижения, возможно достижение поставленных государством целей, а значит, совершенствование самого общества. В то же время нравственное начало требует не только признания права обиженного, то есть потерпевшего, который по праву справедливости добивается заслуженного наказания для преступника, но и соответствующего отношения

к самому виновнику преступления, то есть не унижения и истребления его, а именно наказания, соответствующего совершенному деянию с учетом его личности. Ведь одно лишь только словесное вразумление, без всякого принуждения, также противоречит нравственным началам наказания. К сожалению, исторический процесс нравственного совершенствования человечества пока еще не позволяет отказаться от наказания и перейти к «общественной опеке над преступником» [21, с. 471]. Нравственные начала требуют, по В.С. Соловьеву, «жалеть обоих», то есть, соблюдая принципы гуманизма по отношению к преступнику, мы не должны забывать о чувствах потерпевшего, а также о принципах социальной справедливости.

Библиография

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939.
2. Бентам И. Принципы законодательства//Хрестоматия по теории и истории права и государства/Сост. Р.Е. Мухаев. М., 2001.
3. Бержаль Ж.-Л. Общая теория права/Под общ. ред. В.И. Даниленко: пер. с франц. М., 2000.
4. Гоббс Т. Соч.: В 2 т. М., 1991. Гл. XXV
5. Голик Ю.В. Философия уголовного права: современная постановка проблемы//Философия уголовного права. СПб., 2004.
6. Евреинов Н. История телесных наказаний в России. Харьков, 1994.
7. Еллинек Г.В. Социально-этическое значение права, неправды и наказания. М., 2013.
8. Иеринг Р. Борьба за право. СПб., 1907
9. Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2011.
10. Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998.
11. Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика. Красноярск, 1991.

12. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2011.
13. Мокринский С.П. Наказание, его цели и предположения. Ч. I-III. М., 2013.
14. Мокринский С.П. Наказание, его цели и предположения. Ч. II. Значение результата. Томск, 1902.
15. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология. СПб., 1905.
16. Рагимов И.М. Проблемы наказания и теория прогнозирования // Юридические науки и образование. № 43, Баку, 2015, с. 181-219.
17. Росси П. Изд. 1829 г. Т. 1.
18. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. Об общественном договоре, или Принципы политического права. Гл. V-VI: О Законе. М., 1969.
19. Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. М., 1998.
20. Соловьев В. Право и нравственность. Минск: М., 2001.
21. Соловьев В.С. Оправдание добра. М., 2014.
22. Спиноза Б. Избр. произв. М., 1957. Т. 2.
23. Франк А. Философия уголовного права в популярном изложении//Философия уголовного права. СПб., 2004.
24. Шербатых Ю.В. Психология страха. М.: ЭКСПО-Пресс, 2000.
25. Loffer A. Der Begriff der Vezantworthlichkeit. Mitt. d. I. k.v.vi. С 388 и след.